

ЯКУБОВИЧ И. Н. — ПОМПОЛИТ

ЯКУБОВИЧ Иван Николаевич, родился в 1880-х в приграничной зоне в Белоруссии. Получил среднее образование, с 1907 — работал сельским учителем, затем — по телеграфному ведомству, с 1919 — делопроизводителем в Управлении связи в Смоленске. С 1928 — проживал на родине в селе Луначарском, занимался домашним хозяйством у родителей. Окончил заочные высшие финансово-экономические курсы при Наркомате. Летом 1933 — арестован, 14 августа приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Сиблаг.

Осенью 1936 — обратился за помощью в Помполит.

«з/к Яйского л<агерного>
п<ункта> Сиблага НКВД
Якубовича Ивана Николаевича

Заявление

Постановлением Коллегии ОГПУ от 14 августа 33 г<ода> я осужден по ст<атье> 58 <пункты> 4, 6, 7, 11 УК к лишению свободы на 10 лет. Поводом для осуждения мне послужили следующие обстоятельства:

Летом 32 г<ода> мой дальний знакомый Женев попросил меня написать ему письмо к сыну, проживающему в Польше. С его слов я и написал письмо, в котором изложил бедственное положение родителей и просил о высылке им денежной помощи. За это письмо меня привлекли к ответственности по 4, 6 и 7 п<унктам> 58 ст<атьи>.

Помимо этого я еще писал письмо на имя 16 съезда партии, в котором указывал на многие дефекты и перегибы при проведении партийных директив в деревне.

11 п<ункт> 58 ст<атьи> мне применили за то, что священник, уходя из церкви, всегда оставлял в нашем доме церковные ключи и часто заходил к нам с прихожанами для производства с ними расчетов, т<ак> к<ак> наш дом был рядом с церковью.

Это постановление ОГПУ я считаю ошибочным по следующим основаниям: написанием письма я не преследовал никаких шпионских или вредительских целей, а единственную цель — оказать посильную помощь безграмотным старикам.

Обвинение меня в связи с заграничной буржуазией также не основательно, потому что за границей у меня абсолютно никого знакомых не было, и даже то лицо, которому я писал письмо, я знал только по школьной скамье до 1906 г<ода>, после чего наши жизненные пути разошлись совершенно.

В письме моем, написанном на имя 16 съезда партии, ничего криминального не содержалось. Если я указывал на дефекты и перегибы при проведении в деревне партийных директив, то делал это с единственным желанием изжития этих ненормальностей и обращался с этим не к кому-либо постороннему, а к органу, издающему эти директивы.

Что же касается участия моего в организации, то я могу определенно заявить, что никакой организации вообще не существовало, в противном случае были бы арестованы и привлечены и другие члены ее, т<ак> к<ак> один я не могу представлять из себя организацию, а лица, посещавшие наш дом для производства расчетов со священником, никакой политикой не занимались.

Ввиду изложенного я считаю, что в действиях моих нет никакого состава преступления, и прошу направить это дело на пересмотр.

Взамен заключительного слова, которого я еще нигде не сказал, прошу предложить вниманию Судебного Заседания по пересмотру моего дела нижеследующее мотивированное объяснение.

Приложение: Защитительное мотивированное объяснение.

Якубович Иван»¹.

«Защитное мотивированное объяснение
взамен заключительного слова

Письмо за границу — п<ункты> 4, 6 и 7 58 ст<атьи>.

Обвинение по этим трем пунктам покоится на написанном мною за границу письме и выводится, главным образом, из перечисления тех стесненных обстоятельств, в каких находились старики Женовы. Ясно, что одна только просьба о высылке денег не послужила бы поводом к обвинению. Но дело в том, что незадолго перед тем старики получили уже от того же сына 6 доллар<ов>, которые местный т<орговый> агент обменял по курсу на разменные советские знаки (что-то около 11 руб<лей>). Лаконически попросить о высылке денег, — тот не поймет, в чем дело. Чтобы дать понять о безвыходной нужде стариков и их слепой дочери, пришлось упомянуть о том, что они исключены из колхоза, нуждаются в хлебе, в кормах для коровы и проч<ее>. И когда старик добавил еще, что соседние ребятишки не соглашаются уже писать ему письма, то я не мог не придти к нему на помощь и взялся написать письмо к сыну. Полагаю, что это единственное написанное мною письмо, не должно служить основанием к обвинению меня по означенным п<унктам> 4-6-7 58 ст<атьи>, тем более, что самое письмо задержано и не пошло по назначению. Но было ли это письмо единственным? Я утверждаю категорически, что старики Женовы до этой случайной встречи со мною возле почты в с<еле> Луначарском, ни разу не обращались ко мне с просьбой писать письма. И про их сына я знал только, что он меньшевик, после войны остался в Польше, адреса его я не имел, и личностью его не интересовался. У меня было достаточно забот по добыванию куска хлеба. С 1907 г<ода> по 1928 г<од> я не жил на родине, работал то сельским учителем, то по телеграфному ведомству (в 1919-1928 г<оды> делопр<оизводитель> в Белорусском Управл<ению> связи, в Смоленске), а вернувшись на родину в приграничное с<ело> Луначарское покоить старость своей матери и старшего брата — инвалида Александра, я принял на себя и мужскую, и женскую работу по нашему карликовому безлошадному хозяйству: и огород, и корова, и поддержание чистоты, и проч<ее>. Сверх того я разбил сад на 60 деревьев и старался пройти заочн<ые> высшие курсы фин<ансово> эконом<ических> наук при Наркомате и получить квалификацию по учету. Я надеялся еще работать по найму. С большими проволочками, но я эти курсы прошел и зачетную контрольную работу выполнил. Я это говорю к тому, что при такой нагрузке дома я отстал от местной общественной жизни. Однако, живя возле самой пограничной заставы, я чувствовал себя спокойно, т<ак> к<ак> не допускал ни поступков, ни намерений, которые могли бы вызвать против меня подозрение. Еще раз повторяю: ни написание вышеозначенного письма, ни вся моя жизнь не дают повода упрекать меня в правонарушении против государственной безопасности. Прошу снять с меня обвинение по этим позорным и убийственным п<унктам> 4, 6, 7 58 ст<атьи>.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1501. С. 180-181. Автограф.

Я уже сказал, что вернулся на родину в 1928 г<оду>. Прибывший к нам в 1929 г<оду> обновленческий священник снял квартиру в 5 километрах от церкви. С этого времени он стал оставлять у нас церковные ключи и почти каждый раз сам заносил их после богослужения, а в следующий праздник заходил за ними: мы жили возле церкви. Со священником заходили прихожане: один договорился, когда и куда за ним приехать для отправления религиозных треб; другие — получить деньги за воск или уплатить за свечи. Заходили и лично мои знакомые, которые давали мне лошадь для обработки огорода или совместно заготавливали дрова и вывозили из лесу, или молотили небольшое количество моего хлеба и т<ак> д<алее>. Стесняли они мою личную жизнь, эти посетители. Но как не мог я влиять и ограничивать эти посещения, так равно и не руководил их разговорами. Одни говорили, что их на собрании запугивали выселить в пустопорожнее место — Собачино или Котлас, в случае невхождения в колхоз; другие жаловались, что с<ель>с<овет> наложил к обязат<ельной> сдаче непосильное количество волокна при отсутствии посева и т<ак> д<алее>. А вечером, что-то в 1931 г<оду>, раза 2 заходил раскулаченный сосед Гуляшко и просил писать ему обжалование, на что я не согласился. В 1932 г<оду> приходили исключенные из колхоза (Шкиндер, П. Петух и другие), которым я написал 2-3 заявления в район. Заходил 2-3 раза сосед Аф<анасий> Ф. Наумчик, лесной сторож, которому я хотел показать действия с десятичными дробями, но он оказался туп. Не отрицаю: был в нашем доме и ближайший наш сосед, б<ывший> страж<ник>, Синица Федор, человек умный, дельный и полезный в общезжитии на всякую штуку: оформить лошадь, помочь в трудном отеле коровы, дать любой хозяйственный инструмент и проч<ее>. И все же, несмотря на то, что такие лица, как Синица (б<ывший> страж<ник>), П. Петух, беспричинно исключенный из колхоза, так или иначе ущемленные Советской властью или местными работниками и потому настроенные контрреволюционно, что вполне естественно, несмотря, говорю, на то, что эти лица по разному поводу заходили к нам, все же мне не довелось слышать о какой-либо организации, т<ак> к<ак> ее не было и не могло быть. И только следователь по "моему" делу старался логически доказать мне:

1. Высказывания недовольства и обиды усиливают противосоветские настроения массы.

2. А наличие таких настроений может обеспечить и "организация", особенно в годы войны и тем более, в пограничной полосе.

И мне пришлось согласиться со следователем, что в этом смысле нужна наибольшая осторожность.

Но, отклоняя обвинение меня по 58 ст<атья> п<ункт> 11, я скажу, кстати, что слышанные мною высказывания из народа дали мне повод думать, что местные партийные и советские работники допускают перегибы и извращения партийной линии: нарушение добровольности вхождения в колхоз, непосильное налогообложение, и я счел своим долгом довести об этом до сведения 16 парт<ийного> съезда, для чего я и написал большое письмо. В нем я привел многие резкие определения, обращающиеся в народной толще, и от себя добавил, что такое недовольство в народе может повлечь, в случае войны, массовую передачу в плен со стороны красноармейцев. Теперь я вижу, что я переборщил, недооценивая политическую подготовку, стойкость и преданность наших красноармейцев делу социалистической стройки и ее обороны. Теперь, когда уже пройдены наиболее трудные этапы

реконструкции народного хозяйства, и наша родина окрепла и экономически, и политически, и в деле обороны, смешными кажутся подобные панические настроения, получившие отражения в моем письме к 16-му парт<ийному> съезду.

Находясь 4-й год в заключении, я не теряю надежды на пересмотр моего дела. Я прошу учесть изложенные мною обстоятельства моей жизни на родине в 1928-1933 г<оды>; принять во внимание мотивы моей деятельности за этот отрезок времени, а также мою добросовестную ударную работу в лагере, и снять тяготеющее на мне обвинение. И, может быть, я еще буду полезным для моих инвалидов (мать и брат), полезным членом социалистического общества.

Якубович Ив<ан>»².

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1501. С 182-185. Автограф.